

А. А. Карпов
(СПбГУ)

Несостоявшийся литературный дебют:
«Потерянная для света повесть»
А. Белкина (О. И. Сенковского)

История рецепции литературных произведений занимает сегодня важное место в комментариях к академическим изданиям классиков. Ее составляют не только прямые оценки текста, содержащиеся в критических статьях, письмах и воспоминаниях современников, но и формы его освоения другими писателями. В случае пушкинских «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина, изданных А. П.» одним из подобных откликов стали своеобразные сочинения О. И. Сенковского, подписанные псевдонимом «А. Белкин», скандально соединившим фамилию пушкинского циклизатора с инициалом создателя этого образа, — пародийная «Потерянная для света повесть», ориентальная любовно-авантюрная «Турецкая цыганка» и посвященная несовместимости творческого успеха и личного счастья творца повесть «Джулио».¹

¹ *Белкин А. Потерянная для света повесть* // Библиотека для чтения. 1835. Т. X. Отд. I. С. 134—150 (далее текст цитируется по этому изданию, номера страниц указываются в скобках. За исключением особо оговоренных случаев курсив мой. — А. К.); *Белкин А. Турецкая цыганка* // Библиотека для чтения. 1835. Т. XII. Отд. I. С. 134—174; *Т. м. ф. вв. — А. Белкин. Джулио. Повесть* // Библиотека для чтения. 1836. Т. XVIII. Отд. I. С. 23—122 (в данном случае соавтором Сенковского стал постоянный сотрудник «Библиотеки» А. В. Тимофеев). Помимо сочинений «А. Белкина», особенно интереса заслуживает и опыт воссоздания манеры Пушкина-прозаика,

Наибольшее внимание исследователей традиционно привлекает к себе первое из них.

«Потерянная для света повесть» представляет собой рассказ о пикнике, устроенном в петербургском предместье Парголово семью мелкими чиновниками, уволенными со службы за различные прегрешения. В их число входит и повествователь, профессиональное «экс-канцелярское» (С. 135) прошлое которого ярко проявляется в самой манере его письма.² Подобно деловым бумагам, текст «Повести» делится не на главы, а на параграфы,³ содержит специфические сравнения,⁴ педантично составленные реестры приготовленных для загородной трапезы предметов сервировки стола и съестных припасов,⁵ а затем гипертрофированно скрупулезное описание процесса поглощения

осуществленный Е. А. Баратынским в повести «Перстень» (см. об этом: Карпов А. А. «Перстень» Баратынского и «Повести Белкина» // Концепция и смысл: Сб. статей в честь 60-летия проф. В. М. Марковича. СПб., 1996. С. 171—185).

² Ср. в письме Сенковского к Пушкину от января — первой половины февраля 1834 года: «До сих пор я встречал в нашей прозе *только язык горничных и приказных*» (Пушкин. Полн. собр. соч. Т. XV. [М.; Л.,] 1948. С. 322. В оригинале по-французски).

³ «§ 1. О ТОМ, КАК МЫ ОТПРАВИЛИСЬ ОБЕДАТЬ В ПАРГАЛОВО»; «§ 2. О ТОМ, КАК МЫ ОБЕДАЛИ В ПАРГАЛОВЕ»; «§ 3. О ТОМ, КАК МЫ РАЗГОВАРИВАЛИ В ПАРГАЛОВЕ» и т. д.

⁴ «— Что за церемонии! — молвил Яков Петрович, взял бутылку и разом пустил ее в ход, *как залежавшееся дело после доброй взятки*» (138). Здесь и далее курсив мой. — А. К.

⁵ «...взяли с собой все нужное — самовар, кремень, огниво, трут, горсть угольев в носовом платке, фонарь, свечку, скатерть, салфетки <...> чайник, чашки, тарелки, три мелких и две глубоких, блюда, ножей, вилок, ложек <...> лимонов, сахару, перцу, соли, стаканов, рюмок <...> сельдей, колбасу, окорок, уксусу, хрену, белого хлеба, сыру, редьки, масла — сливочного и прованского, жареного петуха и огромную кулебяку <...> Максим Козмич явился с парюю холодных сивов, Иван Никитич с частию поросенка, Галактион Андреев с куском жареной говядины, Лука Лукич со штофом отличной домашней настойки и бутылкой красного, Илья Никифорович с тремя бутылками дрей-мадеры, наконец, я сам с двумя бутылками рому, также с картузом трехрублевого табаку и пучком сигарок с перышками и без перышек — *ad libitum* — так что было чего и поесть, и попить, и покурить, сколько душе угодно» (С. 134—135).

снеди. Во время обеда его участники рассказывают ярко характеризующие их случаи из собственной жизни:

Илья Никифорович рассказывал, как, поступив в милицию, он, прежде всего, воспользовался своим мундиром, чтобы припугнуть одного лавочника в Белеве, который пришел к нему за старым должком. Яков Петрович служил с отличием по питейному сбору, а когда там все пошло на новый лад, он поспешил выйти в отставку с небольшим чином и маленьким куском хлеба, который накопил из жалованья и крошечных доходцев. <...> Лука Лукич, в бытность свою без всякой вины под судом, управлял партикулярно одним господским домом — и надо было видеть, в какой он привел его порядок и как умел держать в струнке людей! Правда, он вывихнул себе обе руки, но без такой усиленной деятельности невозможно быть управителем в настоящем смысле слова. Иван Никитич <...> был прежде квартальным поручиком и уволен от службы за сущую безделицу: в его квартале был рынок, и каждый торговый день Иван Никитич ходил туда с двумя будочниками, наблюдал за порядком и иногда, единственно для домашнего обихода, снимал сливки у деревенских баб, которые приезжали с молоком из окрестностей.

(С. 141—142) и т. д.

Наконец приходит черед самого отъявленного из собравшихся на этом своеобразном «симпозиис»⁶ плутов — Галлактиона Андреича,⁷ однако содержание его «предлинной истории» оказывается настолько ничтожно, что кроме зачина — «Вот именно один такой случай был у нас по провиантской части...» (С. 145) — присутствующие ничего

⁶ «...все мы легли на траве и закурили трубки и сигарки — но легли так, как лежали римляне, которые, несмотря на лежачее свое положение, могли удобно пить. Винцо было, право, хоть куда <...>. Беседа наша скоро оживилась» (С. 141).

⁷ Одно время он даже носил арестантский «серый мундир» (С. 144).

не запомнили. Не помогает и состоявшееся на следующий день повторение рассказа: в памяти слушателей вновь остается лишь его первая фраза: «Вот именно один такой случай был у нас по провиантской части...» В итоге содержание «Потерянной для света повести» сводится к объяснению того, почему она так и не была написана. «...Я не могу сообщить вам этой истории для напечатания в „Библиотеке для чтения“, — сетует в письме к редактору А. Белкин. — Вы потеряли повесть — или быть, все равно, — оригинальную, настоящую русскую, в которой не было ни малейшего следа подражания иностранному, в которой все было наше, которая отличалась неподдельною народностью — и которая теперь, увы, невозвратно погибла для словесности!...» (С. 149), «я имел твердое намерение напечатать этот любопытный случай по провиантской части: ведь таким образом пишутся почти все повести для нашей словесности, — *повторяя без всяких усилий своего воображения первый слышанный где-нибудь анекдотик!* Будь только рассказ Галактиона Андреича такого свойства, чтоб *можно было его упомянуть*, — вы бы имели одной „оригинальную“ повестью больше, и я был бы один лишний оригинальный сочинитель» (С. 150).

Первую попытку истолкования «Потерянной <...> повести» предпринял почти столетие назад крупнейший исследователь творчества Сенковского В. А. Каверин. Игнорируя избранный писателем псевдоним и категорически отрицая пародийный характер произведения, Каверин рассматривает его как «бросающееся в глаза» «подражание Гоголю» и в подтверждение указывает на фрагменты, содержащие перечисление жульнических проделок участников поездки, полагая, что они навеяны гоголевскими обличениями чиновничества.⁸ Действительно, саморазоблачения персонажей Сенковского напоминают сатирические приемы автора «Ревизора», однако работа

⁸ Каверин В. Барон Брамбеус: История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». [Л.], 1929. С. 251—252.

над комедией началась уже после публикации «Потерянной <...> повести»,⁹ ничего подобного в вышедших ранее «Вечерах на хуторе близ Диканьки», «Миргороде» и «Арабесках» мы не находим.

Напротив, все последующие истолкования «Потерянной для света повести» основаны именно на признании ее пародийной природы и значимости использованного автором псевдонима. «Чем поражали „Повести Белкина“ современников, об этом можно судить по пародиям О. И. Сенковского, — пишет Н. Я. Берковский. — Одна из них, под названием „Потерянная для света повесть“, пожалуй, метит в пушкинскую „Метель“, хотя в ней О. И. Сенковский старался схватить характерное и для других повестей Белкина. <...> Поток бытовых мелочей у О. И. Сенковского соответствует в „Метели“ тульским печаткам, хозяйственным узлам и шкатулкам Марьи Гавриловны, деревянным ставням в деревне, куда заехал Владимир Николаевич, колпаку и байковой куртке Гаврилы Гавриловича, шлафроку на вате Прасковьи Петровны, самовару в их гостиной. О. И. Сенковского все это неприятно удивляло в повести Пушкина и казалось ему пустым излишеством. <...> Поэтому Сенковский подменил вещи Пушкина <...> пустозвучным перечнем предметов, понадобившихся для пикника». «Сенковский хочет подчеркнуть <...> пустоту вымысла у Пушкина, отсутствие резкого и памятного в сюжете, никчемность и бесплодность авантюры», «...пародии его имеют свою цену, так как характерные элементы поэтики Пушкина в них осознаны и выделены».¹⁰ Точку зрения Берковского разделил и С. Г. Бочаров, полагавший, что «„Потерянная для света повесть“ Сенковского, за подписью А. Белкин

⁹ Цензурное разрешение десятого тома «Библиотеки» датировано 29 апреля 1835 года.

¹⁰ Берковский Н. Я. О «Повестях Белкина» (Пушкин 30-х годов и вопросы народности и реализма) // Берковский Н. Я. Статьи о литературе. М.; Л., 1962. С. 301—302, 303.

<...> пародировала как бы отсутствие сюжета и незначительность содержания в „Повестях Белкина“». ¹¹

Более широким видит объект пародии Сенковского В. Э. Вацуро. Отмечая содержащийся в ней конкретный выпад против психологического очерка М. П. Погодина «Корыстолюбец», он считает ее вместе с тем направленной против русской бытописательной прозы в целом. ¹² Точка зрения Вацуро была развита Н. И. Михайловой, так же полагавшей, что «Потерянная для света повесть» стала пародией на всю русскую бытовую повесть с характерной для нее «анекдотической основой». Именно в ее рамках Сенковским воспринимался и пушкинский цикл, и сочинения Погодина. ¹³ В. С. Фомичева дополняет перечень адресатов пародии гоголевской повестью «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», видя в произведении Сенковского «утрированное освоение <...> стилистической манеры» предшественника. ¹⁴

Попытку радикального пересмотра ранее высказанных суждений о «Повести» предприняла недавно Н. В. Назарова. По мнению исследовательницы, «двуплановое» произведение «А. Белкина» стало ответом на полемические выступления С. П. Шевырева на страницах принципиального оппонента «Библиотеки» — журнала «Московский наблюдатель» и вместе с тем пародировало гоголевскую «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», резко отрицательно воспринятую Сенковским-критиком. ¹⁵ При этом всякая связь «Потерянной

¹¹ Бочаров С. Г. Пушкин и Белкин // Бочаров С. Г. Поэтика Пушкина: Очерки. М., 1974. С. 151.

¹² Вацуро В. Э. От бытописания к «поэзии действительности» // Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра. Л., 1973. С. 213, 221.

¹³ Михайлова Н. И. Болдинские повести Пушкина и пародии Сенковского // Болдинские чтения. Горький, 1977. С. 144—148.

¹⁴ Фомичева В. Театральность в творчестве О. И. Сенковского. Jyväskylä, 2001. С. 47—51.

¹⁵ Назарова Н. В. Литературная позиция О. И. Сенковского в 1830-х гг.: На материале повестей, подписанных псевдонимом А. Белкин: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. С. 13—65.

<...> повести» с прозой Пушкина Назаровой полностью отрицается. Между тем очевидно, что уже само имя «автора» произведения ясно указывает на соотнесенность сочинения Сенковского с пушкинским циклом. В чем же заключается ее смысл?

Интерпретаторы пародии Сенковского уже упоминали в связи с ней об отзывах ряда рецензентов «Повестей Белкина», отмечавших «бессодержательность» пушкинского цикла. Ф. В. Булгарин, к примеру, писал:

«Читали ли вы „Повести Ивана Петровича Белкина“? — Прочтите: это *chef-d'œuvre*, совершенство, прелесть, чудо!» Вот что говорили мне некоторые литераторы по возвращении моем в столицу. Прочел в один вечер и не нашел ни чуда, ни совершенства, ни *chef-d'œuvre*, но несколько *анекдотовцев* (из коих некоторые давно известны), рассказанных весьма приятно <...> Для сердца очень мало в этих повестях, и я думаю, что ни одна чувствительная дама не выронила ни полслезинки. Но все вместе очень мило, хотя, по моему мнению, эти рассказы не определяют еще степени дарования, ибо в них нет главного — *вымысла*. <...> Основной идеи нет в «Повестях Ивана Петровича Белкина». Прочтешь, точно так, как съел конфет, — и забыл.¹⁶

«Ни в одной из „Повестей Белкина“ нет идеи, — вторил Булгарину, откликаясь уже на новое их издание, другой рецензент „Северной пчелы“. — Читаешь — мило, гладко, плавно: прочтешь — *все забыто*».¹⁷ Полностью забытым, несмотря на все усилия слушателей, остается в пародии Сенковского и пресловутый рассказ Галактиона Андреича.

Но отмеченная связь «Потерянной для света повести» с пушкинским циклом вовсе не исключает наличия

¹⁶ Б. Ф. <Булгарин Ф. В.> Письма из Петербурга в Москву. К В. А. У. // Северная пчела. 1831. № 288. 18 декабря.

¹⁷ М. Р. <Строев В. М.> Повести, изданные Александром Пушкиным // Северная пчела. 1834. № 192. 27 августа. С. 766.

других ее претекстов, иных аллюзий. Так, предваряющее истории о плутнях пирующих замечание повествователя «Потом пошли рассказы — сцены из частной жизни» (С. 141) иронически сопоставляет эти «настоящие русские» повести (С. 149) с творчеством О. де Бальзака. Сравнение петербургской и московской литературы («...разговор обратился к словесности <...> и само собою разумеется, что литература московская и литература петербургская были поставлены лицом к лицу, обозрены и сравнены в своих относительных достоинствах. Большинство клонилось в пользу того мнения, что в *петербургских книгах более просвещения, образованности, вкуса... то есть, сударь, толку...*», 142—143) явно подразумевает и полемику между «Библиотекой для чтения» и «Московским наблюдателем» (дополнительный аргумент в пользу точки зрения Назаровой). Мнение ряда исследователей о связи «Потерянной <...> повести» с прозой Гоголя подкрепляет сходство характеристик, которые дают записанным ими рассказам А. Белкин и Рудый Панько: «Беседа наша вскоре оживилась, и — *Боже милостивый!* — *о чем не было у нас речи!* Я думаю, ни в одной книге, не только русской, но и французской, даже в Смеси „Библиотеки для чтения“, нет и сотой доли тех историй, поговорок и шуточек, которые отпускались тут наперерыв, не говоря уж о канцелярских анекдотах и дельных толках касательно службы и наград, без которых два православные не могут пробыть пяти минут вместе» (С. 141). «Но лучше всего, когда сойдутся все в тесную кучу и пустятся загадывать загадки, или просто нести болтовню. *Боже ты мой! Чего только не расскажут!* Откуда старины не выкопают! Каких страхов не нанесут! Но нигде, может быть, не было рассказываемо столько диковин, как на вечерах у пасичника Рудого Панька».¹⁸ При этом Сенковский травестирует не только первый сборник Гоголя, но и сам жанр прозаического цикла, широко распространенный

¹⁸ Гоголь Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 23 т. М., 2003. Т. 1. С. 70.

в литературе тех лет. В основе его произведения лежит типичная «циклообразующая» ситуация: дружеское застолье бывалых людей, каждый из которых рассказывает примечательный случай из своей жизни. В этом отношении «Потерянная <..> повесть» напоминает не только «Вечера на хуторе близ Диканьки», но и, например, «бивуачные» повести А. А. Бестужева-Марлинского («Вечер на бивуаке», «Второй вечер на бивуаке», «Вечер на Кавказских водах в 1824 году») или В. И. Карлгофа («Офицерские вечера (Сцены из военной жизни)»). Но если персонажи этих авторов вспоминают о своих любовных драмах или боевых подвигах, то в случае Сенковского (его повесть могла бы получить название «Вечер в Парголово» или же «Канцелярские вечера») их замещают рассказы о мошеннических проделках, участники которых искренне не понимают, что в их поступках может вызвать осуждение.

Травестийный характер имеет у Сенковского и сама фигура А. Белкина как героя-повествователя. При этом наиболее близка она оказывается именно циклизатору «Повестей Белкина». Образ Ивана Петровича как писателя нового типа Пушкин полемически противопоставляет романтической традиции. Если романтический автор — уникальная личность, резко отличающаяся от окружения, то его Иван Петрович подчеркнуто зауряден. Это армейский офицер в отставке, провинциальный помещик, получивший «первоначальное образование от деревенского дьячка» и ему же обязанный «охотой к чтению и занятиям по русской словесности».¹⁹ Ничем не примечательна и его внешность: «Иван Петрович был сросту среднего, глаза имел серые, волоса русые, нос прямой; лицом был бел и худощав».²⁰ Повествователь Сенковского воспроизводит черты созданного Пушкиным образа. Его А. Белкин — обитатель одной

¹⁹ Пушкин. Полн. собр. соч. [М.; Л.,] 1938. Т. VIII (1). С. 59—60.

²⁰ Там же. С. 61. Полную заурядность Белкина с неудовольствием отмечал и рецензент журнала «Телескоп»: «наружность его и образ жизни совсем не интересны» (Н. Н. <Надеждин Н. И.?> Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П. // Телескоп. 1831. Ч. 6. № 21. С. 118).

из петербургских окраин, поддерживающий приятельские отношения с такими же, как и он, отставными мелкими чиновниками. Он не чужд интереса к литературе, ограниченного, впрочем, коллективной подпиской на «Библиотеку для чтения». Если романтический художник-демиург обладает колоссальной силой воображения, создающего новые миры, то литераторы-дилетанты Пушкина и Сенковского полностью лишены этой способности, что ясно проявляется в характере их «творчества». Оба они по-митрофановски «к историям охотники»²¹ и свои авторские амбиции удовлетворяют, воспроизводя рассказы собеседников, при помощи которых пытаются пробиться в большую литературу. Согласно воспоминаниям соседа и биографа Ивана Петровича, собранные повести «были, кажется, первым его опытом. Они, как сказывал Иван Петрович, большею частию *справедливы* и слышаны им от разных особ. Однако ж имена в них почти все вымышлены им самим, а названия сел и деревень заимствованы из нашего околотка <...>. Сие произошло не от злого какого-либо намерения, но единственно *от недостатка воображения*».²² Подобным литературным дебютом должна была стать и «Потерянная для света повесть» А. Белкина, уверенного, что вся современная русская проза представляет собой пересказы «первого слышанного где-нибудь анекдотика» (С. 150). Однако в силу ничтожности содержания «провиантской» истории Галактиона Андреича попытка А. Белкина стать «оригинальным сочинителем» (С. 150) завершилась неудачей.

²¹ «Г-жа П р о с т а к о в а. <...> он еще сызмала к историям охотник. С к о т и н и н. Митрофан по мне» (Там же. С. 57).

²² Там же. С. 61.